

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

УДК 130.3

Н. П. Гаврилова¹, О. Ф. Гаврилов²

¹Кузбасский государственный технический университет
им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия;

²Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

ПРИЗРАК «КОНЦА ИСТОРИИ» В ТЕОРИИ К. МАРКСА

В статье рассматриваются аргументы, свидетельствующие о том, что коммунистический проект К. Маркса и Ф. Энгельса выступает в качестве одного из вариантов утопической идеи «конца истории». В качестве одного из аргументов в пользу такого утверждения выступает марксистская установка на идеализацию определенного типа социальности. Как известно, коммунистический проект имплицитно постулирует возможность создания настолько совершенного общества, что, сколько бы то значимые изменения в нем оказываются излишними, его эволюция не нужна, да и невозможна. Признание коммунистического проекта в качестве варианта утопической идеи «конца истории» не перечеркивает научный потенциал марксизма. Наоборот, оно позволяет не только увидеть марксизм во всем его многообразии и полноте, но и понять причины актуализации в нем элементов утопического сознания в виде неявно сформулированной идеи «конца истории».

Ключевые слова: марксизм, идея «конца истории», коммунистический проект, утопизм, тип социальности, совершенное общество.

В спорах о том, почему идеи К. Маркса следует рассматривать, как выражение утопического сознания, иногда превалирует отсылка к его представлениям о будущем коммунистическом обществе. Мол, коммунизм невозможен, подобные образы суть не что иное, как несбыточные мечты, которые, тем не менее, постоянно присутствуют в содержании человеческой культуры. Такое суждение, несмотря на его справедливость, представляется весьма поверхностным и требует своей конкретизации.

Думается, что утопизм некоторых идей К. Маркса следует видеть, во-первых, в том, что в них формулируется модель «конца истории» и, во-вторых, в намерении практически воплотить эту модель в реальности. Прежде всего, следует заметить, что далеко не во всех случаях идея конца истории обнаруживает себя явно. В некоторых интеллектуальных продуктах, как, например, философская система Г. Гегеля или известная работа

Ф. Фукуямы, она отчетливо проговаривается. Взгляды других авторов, специально не рассматривающих вопросы подобного рода, ее, тем не менее, нередко скрыто содержат. В частности, это касается темы деидеологизации современного общества (Р. Арон, Д. Белл) или констатации «смерти метанарративов» и, соответственно, истории, озвученной представителями постмодернизма (М. Фуко, Ж. Делез, Ж.Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида). В ряде же случаев требуется специальная аргументация, чтобы доказать наличие идеи «конца истории». В частности, это касается и работ К. Маркса и Ф. Энгельса.

Вероятно, некоторые последователи К. Маркса и Ф. Энгельса не согласятся оценивать коммунистический проект в качестве одного из вариантов воплощения этой идеи. Однако включение К. Маркса в список авторов идеи «конца истории» допустимо на том основании, что отдельные положения его теории демонстрируют установку на идеализацию определенного типа социальности, оценивают его в качестве эталона. Данный проект имплицитно постулирует возможность создания настолько совершенного общества, что, сколько бы то значимые изменения в нем оказываются излишними, его эволюция не нужна, да и невозможна. События отнюдь не прекращаются, этих событий будет множество, и они будут чрезвычайно интересными, но по сравнению с обретенным идеалом они покажутся настолько мелкими, что в некотором смысле можно будет сказать – история остановилась. Таким образом, пресловутый «призрак коммунизма» по существу превращается в «призрак конца истории».

В какой же степени этот подход согласуется с принципом научной непредвзятости? К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали, что в отличие от своих предшественников создавали модель коммунистического устройства на основе научного обобщения фактов, концептуальной рефлексии тенденций исторического развития. Показательно в этом отношении, например, название работы Ф. Энгельса – «Развитие социализма от

утопии к науке». А в одном из своих писем он прямо говорит: «Наши взгляды на черты, отличающие будущее некапиталистическое общество от общества современного, являются точными выводами из исторических фактов и процессов развития и вне связи с этими фактами и процессами не имеют никакой теоретической ценности» [Энгельс, 1964, с. 364].

Разделение специалистов на тех, кто полностью согласен с трактовкой марксизма именно как научной теории и тех, кто абсолютно не приемлет такую оценку, имеет свою более чем вековую традицию. Но особое внимание привлекает промежуточная точка зрения, согласно которой «между утопией и марксизмом ... нет никакой китайской стены, даже если мы берем марксистскую доктрину в ее научном измерении» [Лабика, 2005-2004, с. 282].

Другими словами, признание научного потенциала марксизма не мешает рассматривать его коммунистический проект как вариант идеи «конца истории» и, следовательно, как выражение утопизма. Если, при всех оговорках, для ученого приоритетно описание «сущего», то для утописта – моделирование «должного в сущем», причем «должного» в том выражении, как оно понимается автором. В основе творчества утописта лежит желание сформулировать такие образы социального устройства, которые бы полностью соответствовали его собственным ожиданиям. Критика и мечта – вот важнейшие составляющие любой утопии, а в какой форме они выражаются – философской, специализированно-художественной или, наконец, в форме продуктов фольклора – вопрос второй. Любая утопия в принципе содержит или предполагает идею конца истории и любая идея конца истории утопична.

Да, однажды Маркс-ученый, призванный исследовать закономерности общественного развития, подчиняющееся, как он сам замечает, объективным законам, содержание и действие которых не зависит от желания людей, уступил место Марксу-утописту. Задача последнего состояла уже в

призыве к волевому усилию с целью изменить мир. Причем, этот призыв был сформулирован весьма осознанно. В своей работе «Тезисы о Фейербахе» он утверждает: «Философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его» и как бы предвидя возражения тут же дополняет: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан... Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика» [Маркс, 1955, с. 1-4].

Другими словами, историческое развитие подчиняется действию объективных законов, но их толкование и воплощение посредством обращения к массам является миссией человека. А кто этот человек: М. А. Бакунин, Э. Бернштейн или К. Маркс? Очевидно, кто был избран К. Марксом на эту особенную роль, это – сам К. Маркс. Следовательно, он утопичен в той мере, в какой претендует не только на создание новой модели социальной реальности, но и на способы ее воплощения. Критикуя капитализм, он призывает к немедленным революционным преобразованиям с целью создания этой новой реальности. Но, как показала практика, любая социальная теория, предлагающая быстрое достижение результата посредством насилия, утопична.

Однако утопии рождаются не на голом месте. Они – показатель кризиса социальных отношений, расстройства социальной реальности. Идеи марксизма в своей утопичности стали реакцией на этот кризис.

Алгоритм мысли утопического сознания, в развертывании которого история по существу прекращается, представляет собой в некотором смысле насилие над живым разнообразием наличного социального бытия.

Любые формы выражения идеи конца истории «уплощают», «обезжизнивают» и даже обесмысливают человеческое существование, выхолащивают разнообразные формы культуры, выступая предвестниками разложения и упадка, знаками близкой или далекой, но неизбежной смены данного состояния общества периодом революционных потрясений, ведущих к его саморазрушению.

Следовательно, актуализацию идеи «конца истории», в том числе и в марксистской интерпретации, можно рассматривать как признак кризиса культуры или ее надвигающейся коренной трансформации.

Библиографический список

Энгельс Ф. Эдуарду Пизу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 39 т. – Т. 36. – Изд. 2-е. – М.: Издательство политической литературы, 1964. – 806 с.

Лабика Ж. Марксизм между наукой и утопией // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург, 2005–2004. – Вып. 5. – С. 268–293.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – Т. 3. – Изд. 2-е. – М.: Издательство политической литературы, 1955. – 650 с.

N. P. Gavrilova¹, O. F. Gavrilov²

¹*T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia;*

²*Kemerovo State University, Kemerovo, Russia*

THE GHOST OF "THE END OF HISTORY" IN K. MARX THEORY

In article arguments according to which K. Marx and F. Engels's communistic project is a kind of the utopian idea of "the end of history" are investigated. One of the arguments in favor of this statement is the Marxist attitude to the idealization of a certain type of sociality. It is known that the communistic project implicitly postulates a possibility of creation of so perfect society that how many that significant changes in him would be excessive, his evolution isn't necessary and impossible. Recognition of the communistic project of K. Marx and F. Engels as a kind of the utopian idea of "the end of history" doesn't cancel the scientific potential of Marxism. On the contrary, it allows not only to see Marxism in all its diversity and completeness, but also to understand the reasons for the actualization of the elements of utopian consciousness in it in the form of an implicitly formulated idea of the "end of history".

Key words: Marxism, idea of "end of history", communistic project, utopianism, social ideal, perfect society.